
ас кор
Человек, которого не было

ас кор

Человек, которого не было

https://litres.ru/74753682
SelfPub; 2026

Аннотация

Она любила его так сильно, что это ломало кости. Но каждый раз, глядя на его тёмные волосы, на улыбку, на то, как он медленно становится взрослым и до боли похожим на того, кого хотела бы забыть, она плакала. Тихо. В полотенце. Включая воду, чтобы он не услышал. Прятала детские фотографии под матрас. Училась улыбаться, когда улыбка трескалась, как старая плотина.

Он понимал всё с самого детства. Видел, как она прячет фотографии. Видел, как стирает бесконечно льющиеся слёзы. Видел, чего ей стоит улыбнуться, глядя на его волосы. И если бы была возможность помочь ей - он бы отдал всё. Даже себя. Он сидел на крыше с ножом в руках, готовый заплатить самую страшную цену. Но всё перевернулось раньше, чем он успел поднять лезвие.

ас кор
Человек, которого не было

1. Слёзы

Она была девочкой, которая смеялась слишком громко. Рыжие косички, веснушки, фотография, где она смотрит в объектив так, будто жизнь только что подарила ей щенка. Эта девочка умерла раньше, чем её тело.

После той ночи она перестала смотреть в зеркало. Родители сказали: «Никому не рассказывай». Её спрятали дома, как сломанную куклу. Она научилась ходить тихо, говорить тихо, плакать тихо. Слёзы стали её языком. Плакала, когда мать сказала: «Поздно, доченька. Перетерпи». Плакала, когда родился он - маленький, красный, с пальцами меньше её мизинца. Он сжал её палец, и она заплакала снова. Не от любви. Ещё не от любви. От ужаса: теперь она не сможет просто исчезнуть.

Она назвала его так, чтобы в имени не было ничьей тени. Прижимала к груди и шептала: «Ты мой свет». А про себя добавляла: «Прости меня за этот свет». Она не могла объяснить, за что просит прощения. За то, что он появился из боли. За то, что его лицо было напоминанием. И ненавидела себя за это - потому что он был просто ребёнком. Он не выбирал, из какой тьмы ему выходить.

Она проверяла, дышит ли он, по десять раз за ночь. Не

умела быть спокойной матерью. Умела быть матерью, которая боится. Она плакала, когда он первый раз улыбнулся, сделал первый шаг, принёс пятёрку. Стояла на утренниках в заднем ряду и улыбалась, а слёзы текли по улыбке, как вода по трещинам в старой плотине. Другие думали: «Какая чувствительная». Никто не знал, что она плачет оттого, что он живой. А та девочка с косичками - нет.

Днём она варила суп и гладила рубашки. Ночью садилась на кухне, включала воду и плакала в полотенце. Тихо. Долго. Так, чтобы он не проснулся. Иногда доставала фотографию, гладила пальцем стекло и шептала: «Прости». Не ему. Ей. Себе. Той, которой больше нет.

Она любила его так, что это ломало кости. И ненавидела себя за каждый момент, когда он напоминал ей о той ночи. Он был её сыном. И он был её раной. Одно и то же лицо. Одно и то же дыхание. Один и тот же свет.

Его первой памятью были не игрушки и не голос, зовущий по имени. Первой памятью были слёзы.

---

2. Правда

В семнадцать он уже знал всё. Потому что соседи не умеют хранить тайны, а школьные сплетни ползут быстрее тараканов по кухне. Его мать изнасиловали в тринадцать. Ей не поверили. Или поверили, но сказали: «Сама виновата, короткая юбка, поздно гуляла». Её выгнали из школы. Родители, набожные и стыдливые, спрятали её в квартире, как вещь

с дефектом, как сломанную куклу, которую стыдно показать гостям. Она хотела сделать аборт, но было поздно. Или не хватило денег. Или смелости.

Так появился он.

Он вырос, зная, что каждый его вдох - это напоминание о той ночи. Что его лицо - это лицо того, кого не должно было случиться. Что её слёзы - это плата за его жизнь, и плата эта никогда не закончится.

Он любил её так, что сердце болело физически, как от удара ножом. И ненавидел себя так, что хотелось вырвать позвоночник, разорвать кожу, исчезнуть, испариться, чтобы она наконец-то вздохнула свободно.

В ночь перед своим совершеннолетием он сидел на крыше их девятиэтажки и смотрел на звёзды. В руке был нож. Не для неё. Для себя. Потому что он понял: пока он жив, она будет помнить. Каждое утро, видя его, она заново переживает ту ночь. Каждый его день рождения - это годовщина её смерти как личности.

— Мам, - прошептал он в пустоту. - Если бы я мог вернуться… если бы я мог спасти тебя…

Звёзды мигнули. Или ему показалось. Или ветер завыл особенно громко.

А потом небо раскололось.

---

3. Прошлое

Он упал на землю лицом в мокрую траву. Пахло яблоками

и дымом далёких костров. Лето. Тёплое, глупое, беззаботное лето - таким он его никогда не знал. Таким оно бывает только в детстве, которого у него не было.

Он поднял голову и увидел её.

Девочка с рыжими косичками сидела на качелях, болтая ногами в белых гольфах. Та самая девочка с фотографии под матрасом. Живая. Смеющаяся. Она что-то жевала - ириску, кажется - и читала книгу с дурацкой обложкой про говорящего кота.

В тринадцать его мать ещё не знала, что такое страх. Она знала только, что завтра в парке будет концерт, а у её лучшей подруги Натки появился новый блеск для губ с запахом клубники. Она знала, что на завтрак будут блины, а в воскресенье можно не делать уроки. Она была ребёнком. Настоящим, не тронутым, живым ребёнком.

Он стоял в кустах, дрожа, как кролик перед удавом. И плакал. Впервые за много лет - беззвучно, как она. Слёзы текли по его щекам, и он вдруг понял, что это те самые слёзы, которые она пролила за все годы. Они просто вернулись к нему.

— Эй, ты чего? - Она заметила его. Слезла с качелей, подошла близко-близко. Заглянула в глаза. — Потерялся? Плачешь? Мальчики не плачут, знаешь ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.